

Альбер Собуль

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ и ФЕОДАЛИЗМ

(конец старого порядка — середина XIX в.)

перевод *Н. В. Рудницкой*

Французский ежегодник 1968

М.: Наука. 1970. С.55-71

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2012

Тематически связанные материалы даны нами после статьи.

Конец старого порядка — середина XIX в. во Франции — это эпоха, когда окончательно определился медленный процесс «агротехнического переворота» (*la révolution agricole*) с порожденными им многочисленными экономическими и социальными противоречиями. В эту эпоху во французской деревне возникало множество проблем, вызывавших различные по своей форме и силе движения: жакерии за упразднение феодального режима, борьба за землю, продовольственные волнения, беспорядки из-за лесов или выступления в защиту традиционных общинных прав пользования, паники и «страхи», выливавшиеся в вооруженные восстания. Эти крестьянские движения на протяжении полувека, сколь бы различны они ни были, развивались в основном в двух направлениях, хотя четкой грани провести между ними нельзя: для крестьянского мира в целом речь шла об освобождении от феодальной эксплуатации; для бедноты, парцеллярного и безземельного крестьянства, речь шла помимо этого о защите их права на существование, связанного со всей системой традиционного земледелия (основанного на общинных правах пользования), в связи с развитием капиталистического сельского хозяйства. Шла скрытая повседневная борьба, озарявшаяся внезапно ярким пламенем крестьянских восстаний, которые придавали истории французского крестьянства вплоть до середины XIX в. драматический характер.

Мы намерены ограничиться здесь рассмотрением проблем феодализма конца старого порядка¹, упразднения его Французской революцией, его пережитков в XIX в. и вызванных ими крестьянских движений. Это основные проблемы при изучении общей эволюции сельского хозяйства и крестьянского мира. Чтобы свободно располагать своей личностью и своим трудом, крестьяне должны были прежде всего покончить со своим прикреплением к земле или подчинением другому человеку и освободить свои земли от бремени феодальных прав; они должны были ниспровергнуть господство земельной аристократии, присваивавшей их прибавочный труд или прибавочный продукт и опиравшейся при этом на судебный, юридический аппарат и средства принуждения государства ста-

¹ Мы предлагаем этот термин с тем, чтобы отличать «феодализм конца старого порядка» от классического средневекового феодализма. См. ниже.

рого порядка. Самые сильные удары по старому обществу нанесли в период 1789—1793 гг. крестьянские восстания. Господствующее положение и привилегии аристократии старого порядка были уничтожены. Упразднив феодальный строй, освободив крестьян от бремени сеньориальных прав и уплаты церковной десятины, а также в известной мере от общинных пут, Французская революция явилась решающим этапом в переходе от феодализма к капитализму. Конечно, понадобилось еще много времени, прежде чем капитализм окончательно восторжествовал во французской деревне; его полному триумфу долго препятствовали борьба деревенской бедноты за сохранение ее традиционных прав в рамках земледелия старого типа и в меньшей степени упорная живучесть некоторых пережитков феодального порядка. Так проявлялись вплоть до середины XIX в. сложные и порой противоречивые особенности аграрных проблем и крестьянских движений.

I

Феодализм конца старого порядка

Одной из основных черт французского общества конца XVIII в. было сохранение «феодального порядка», вернее, феодальных прав, обременявших землю и крестьян, т. е. большинство населения. В высшей степени важно уточнить значимость этих феодальных прав и точно определить место, занимаемое ими среди факторов, вызвавших революционную борьбу французских крестьян в конце XVIII в.

В своих больших, обобщающих статьях, посвященных аграрным проблемам конца старого порядка и периода Революции, Жорж Лефевр не рассматривал непосредственно этих вопросов. Конечно, в своей статье «*La Révolution française et les paysans*» (1933) он очень точно определил проблему, заявив: «Существовало противоречие между общим развитием капитализма и сохранением феодальных прав и поземельных повинностей». Но хотя Жорж Лефевр посвятил две большие итоговые статьи вопросу о распределении земельной собственности и землепользования в конце старого порядка и в результате распродажи национальных имуществ (1928), он не считал необходимым написать подобную же работу по вопросу о феодальных правах и их упразднении. То же молчание или тот же пробел в классическом труде Марка Блока «*Les caractères originaux de l'histoire rurale française*» (1934), даже в его последней главе, которая как бы подводит итог аграрной политике революционных Собраний.

Проблема в целом была, однако, намечена, и более ранние историки Французской революции уделили ей надлежащее место; но сравнению со своими более известными наследниками они были незаслуженно забыты. Ф. Саньяк в 1898 г. посвятил свою вторую диссертацию (на латинском языке) росту бремени феодальных прав во время царствования Людовика XVI, а всю первую часть своей основной диссертации — упразднению старого порядка в деревне. Затем в 1919 г. А. Олар дал нам очень ценный, но, увы, забытый ныне этюд «*La Révolution française et le régime féodal*». Таким образом, проблема была поставлена, однако нельзя утверждать, что ее рассмотрели во всей полноте.

Хотя труды, посвященные аграрной истории XVIII в., неизбежно касаются проблемы феодальных прав, мы вынуждены все же констатировать, что располагаем ничтожным числом работ о борьбе вокруг отмены феодальных прав в 1789—1793 гг. и только несколькими статьями об их пережитках в XIX в. или об эпизодах, свидетельствующих о живу-

чести воспоминаний о них в коллективном сознании крестьянских масс еще на заре XX в. Ввиду отсутствия достаточного количества локальных исследований в огромной библиографии Французской революции нет ни одного обобщающего труда, автор которого, вернувшись к этюду Олара, уточнил бы прежде всего, что представлял собой во всем его бесконечном местном многообразии феодальный строй, каким социальным и материальным бременем (не касаясь в данной связи его юридических аспектов) был он для крестьян, выступая как важнейший фактор перераспределения доходов; который исследовал бы затем историю его упразднения не только под политическим и юридическим углом зрения, но и сквозь призму многочисленных волнений, страхов, аграрных беспорядков, крестьянских восстаний и жакерий, которые составляли в 1789—1792 гг. и даже в 1793 г. основной фон революции, часто недооцениваемый.

Вступить на этот путь исследования, вновь вернуться к изучению этих проблем важно не только для прогресса наших знаний, но и для более точной оценки места и характера крестьянских движений в развитии Французской революции. Эти крестьянские движения представляются нам в основном антифеодальными. Разве Французская революция не была прежде всего антифеодальной?

1. Прежде всего возникает терминологическая проблема.

Использование терминов «феодализм», «феодальный порядок», «феодальные права» для XVIII в. может вызвать споры. Медиевисты упорно возражают против этой терминологии. Робер Бутрюш в своем труде «*Seigneurie et féodalité*» (1959) осудил это «злоупотребление словом». Жорж Лефевр в ходе интересной дискуссии о переходе от феодализма к капитализму (1956) в свою очередь отверг применение этого термина.

Никто не оспаривает того, что собственно феодальный порядок был давно «одряхлевшей» системой, «над которой уже совершили соборование» (по выражению Карлейля, приводимому Бутрюшем), тогда как права, принадлежавшие сельской сеньории, сохраняли свою силу еще накануне революции; никто не оспаривает и того, что феодальный порядок был обременен строгими нормами, вытекавшими из сохранения сеньориального режима. Но должны ли мы довольствоваться беспристрастными определениями юридических справочников, правовых трактатов, которые, игнорируя часто социальную действительность, ограничиваются лишь узкоюридическим, статическим, застывшим представлением. Ведь для нас важно в данном случае социальное содержание слова «феодализм» в конце старого порядка, смысл, который вкладывали в него не юристы, а крестьяне. Для крестьян, как для людей, слишком хорошо знавших положение дела, феодальный порядок был на несколько высокопарным языке XVIII в. «порабощением земли», над которой тяготело бремя неотчуждаемых поземельных рент, вечнонаследственных повинностей, пошлин, выплачиваемых сеньору при переходе имущества в другие руки, церковной десятины, короче говоря, весь «феодальный комплекс», как говорили юристы.

Именно в этом смысле слова «феодальные права», «феодальный комплекс» и употребляли в ходе революции и долгое время спустя. Мерлен из Дуэ, специалист в этих вопросах, ясно высказался в своем докладе от 4 сентября 1789 г. Комитету феодальных прав Учредительного собрания. «Хотя эти слова «феодальные права» означают в строгом смысле слова лишь права, проистекающие из ленного договора и непосредственной первоосновой которых является инфеодация, однако на практике их значение распространяют на все права, которые принадлежат чаще всего сеньорам и которые составляют то, что Дюмулен называет «феодальным комплексом»».

Абстрактное понятие «феодальный порядок» отличалось, следовательно, довольно общим характером. Но те, кто его употреблял, очень хорошо знали ту реальность, которую оно скрывало за собой: собственно феодальные права, в их числе «*droit de franc fief*», очень обременительные в тех случаях, когда земля дворянина переходила в руки простолюдина; сеньориальную власть, которая выражалась в праве сеньориальной юстиции и полиции и с которой были связаны в свою очередь баналитеты; наконец, платежи и повинности либо сеньориального, либо домениального происхождения, такие, как ценз, ренты или шампар. Для крестьян феодальный порядок был именно этой все еще живой реальностью, порожденной насилием и по-прежнему сохранявшей следы их порабощения. Буржуа из Учредительного собрания не считали это народное понимание феодального порядка ошибочным. Ночью 4 августа они упразднили без возмещения право мертвой руки и связанные с ним повинности, как противоречившие свободе личности. Они упразднили также сеньориальные права, как узурпированные в ущерб государству и навязанные силой. Но, поскольку буржуа сами приобретали фьефы и учреждали держания, они узаконили легенду, будто повинности являются платой за первоначальное пожалование земли. Крестьяне не признавали этого, и последствия были революционными. Для них феодальный порядок отнюдь не был, как это утверждали, мифом, а господство сеньора — заботливой отеческой властью, как то охотно изображают некоторые.

2. Для нас важно не столько описание феодального режима и изучение его юридических аспектов, сколько экономический и социальный анализ феодального порядка (*féodalité*). В этом случае можно идти тремя путями. Прежде всего было бы полезно высчитать среднюю величину бремени феодальных платежей на гектар обрабатываемых земель. Но в гораздо большей мере, чем это несколько отвлеченное исследование, нас интересует социальная действительность. Еще более необходимо было бы, во-первых, выяснить, какую часть всей продукции выскивали на основе феодальных прав и, следовательно, определить размеры тягот, выпадавших на долю крестьян, и, во-вторых, установить, какую долю общего дохода сеньора составляли эти права. Это соотношение между феодальными правами и размерами земельной площади и в еще большей мере между феодальными правами и общим доходом дают возможность судить о тяжести феодального бремени; они в значительной мере объясняют позицию крестьянских масс в конце старого порядка и в ходе революции.

Большинство историков, изучавших феодальный порядок и особенно сеньориальные повинности, настаивали на трудности, вернее, даже невозможности точно установить их размеры. «В самом деле необходимо было бы знать всю совокупность светских и церковных сеньориальных прав, тяготевших над землей, — пишет Поль Буа в «*Paysans de l'Ouest*» (1960), — а это невозможно за отсутствием документов». Использование поземельных описей (*terriers*), составлявшихся для взимания десятины или терража, особенно затруднительно. Более пригодны для использования отчетные документы сеньориальной администрации; текущие поземельные описи, служившие для взимания повинностей; приходные книги; договора с фермерами, бравшими феодальные права на откуп; протоколы сдачи с торгов права на сбор десятины и повинностей, которые позволяют установить скорее чистый продукт, причитавшийся сеньору, чем бремя производителей; оценочные документы, которыми кадастровые комиссары снабжали иногда своих клиентов для их личных нужд или которые составлялись позднее во время революции в связи с процедурой выкупа. В этом смысле нельзя придавать общее значение отдельным случаям: кое-где был более легкий чинш, а кое-где более тяжелые

повинности. Необходимо вычислить среднюю на основе большого числа характерных данных, но поземельные документы сеньориального происхождения, за исключением крупных сеньорий, дают их нам крайне редко.

Фискальные документы, в частности податные списки для взимания дополнительной части налогов (1/10), а также двадцатины, на наш взгляд, подходят более всего. В самом деле, они дают нам сведения не только о размерах и характере земельной собственности, но и о приносимых ею доходах и об обременявших ее рентах. Конечно, имущество духовенства обычно не указывается в них. Но поскольку доходы от сеньориальных повинностей подлежали обложению, эти податные списки представляют собой первоклассный источник. Эдикт 1749 г. обязывал землевладельцев представить декларацию с перечислением всех их земель, с указанием их площади, а также общей стоимости рент, феодальных прав и десятины. Что касается непосредственно феодальных прав, то владельцы указывали обычно общую цифру, не уточняя различных составляющих ее элементов. Инструкция 1776 г. предписывала контролерам тщательно осведомляться о доходах от этих прав. Начиная с 1780 г. оценка доходов от феодальных прав и десятины делалась гораздо более детально, чем прежде. Каковы бы ни были критические замечания по поводу этих деклараций о доходах, они являются тем не менее вполне пригодным источником. Кроме того, следовало бы охватить подсчетами возможно большую территорию земель, с тем чтобы полученная средняя цифра имела подлинно социальное значение.

а. Проблема размеров феодального бремени на земельную площадь, точнее на гектар, представляется первоочередной, ибо на первый взгляд кажется наиболее легкой. На самом же деле она до такой степени трудна в силу крайнего разнообразия повинностей и сложности феодальной системы, что исследователи, ставившие перед собой эту задачу и действовавшие крайне осторожно, достигли в итоге очень зыбких и очень частичных результатов; примером могут служить Жорж Лефевр и его «Крестьяне Севера» (1924) и Р. Берель (Baehrel) и его этюд, посвященный двум провансальским кадастрам XVIII в. (1942).

Однако если оставить поземельные документы и обратиться к фискальным и притом в более широком масштабе, то нам представляется возможным достигнуть более обнадеживающих результатов. Так, например, в северных районах Гатинэ, изученных Ж. Дюпакье (1956), бремя феодальных прав, даже без учета пошлины при переходе имущества (что повысило бы процент), достигало 12 су с гектара, т. е. 10% дохода: за этой средней, конечно, скрываются большие колебания от одной сеньории к другой и внутри одной и той же сеньории; но именно эта средняя имеет социальное значение. Уточним, что составление заново поземельных описей, принявшее общий характер после 1750 г., привело к восстановлению всех ранее входивших в сеньорию держаний, к упорядочению чиншей с учетом стоимости земли, короче говоря, к своего рода рационализации феодальной эксплуатации, поэтому представляется возможным установить соотношение между размерами сеньориальных повинностей и стоимостью земли, с которой они взимались.

б. Соотношение размеров феодальных тягот и дохода земледельца — вот наиболее важная проблема для выяснения условий жизни крестьян и объяснения их поведения к концу старого порядка. Она была ясно поставлена Полем Буа в его «Paysans de l'Ouest». «Проводя различие между простыми поземельными рентами и феодальными повинностями, следовало бы определить, каким бременем являлись эти последние для крестьян, взимались ли они в деньгах или натурой, то есть перевести их в проценты. Проценты чего? Конечно, дохода земледельца». Но, поставив так проблему, Буа объявил ее «почти неразрешимой». «Если фискальным органам XX в. не удастся установить с достаточной точностью

доход земледельца, то в еще большей мере это относится к фиску XVIII в.». Эта трудность дает представление о методах, применявшихся в данном случае, которые следовало бы уточнить и унифицировать.

Что касается XVII в., то П. Губер, изучавший «обложение крестьянских доходов» в Бовезисе, считает, что на всех пикардийских землях капитула кафедрального собора Бове, т. е. более чем в десяти приходах, десятина и шампар достигали 18% валового дохода и «вызывали резкие протесты, доходившие до восстаний».

Следовало бы заменить соотношение между феодальными поборами и доходом (или продуктом) соотношением между феодальными поборами и чистым продуктом, понимая под последним, следуя классическому определению, то, что остается собственнику-земледельцу, за вычетом из валового продукта семян, расходов на обработку и содержание хозяйства, — облагаемый продукт был бы средним чистым продуктом, высчитанным за определенное число лет. Этот принцип был положен в основу при введении дополнительного обложения на 1/10. Использование податных списков 1/10 и «двадцатины» представляется в данном случае крайне полезным, тем более что их точность все более возрастала по мере приближения революции вследствие «ненавистной инквизиции» налоговой администрации, столь часто обличаемой к концу старого порядка.

Изучение податных списков 1/10 для трех податных округов Ориак, Морьяк и Сен-Флур обнаруживает, что феодальные поборы составляли приблизительно 10% от облагаемого продукта, с тенденцией к росту. Это еще минимальная цифра, так как не все феодальные права были указаны, пошлина с перехода имущества и баналитеты не входили в расчет; церковная десятина также не фигурировала. Между тем нам следовало бы выяснить полностью бремя повинностей и платежей, тяготевших над держанием. В результате подсчетов, коснувшихся 14 приходов этих трех податных округов, было установлено, что феодальные поборы (включая церковную десятину) составляли здесь в среднем 14%; но в зерновых районах (Планез был хлебной житницей Верхней Оверни) они отнимали более 20% продукта. Не случайно жакерия свирепствовала в Верхней Оверни с 1789 по 1792 г.

в. Остается третья очень важная проблема: проблема соотношения между феодальными поборами и общим доходом сеньории. Что давали сеньору феодальные права и повинности по сравнению с доходами, извлекавшимися им из эксплуатации своего резерва, и в более общем плане, какую они составляли долю всех его доходов. В данном случае необходимы не столько повествовательные источники (исходят ли они от подчиненных или благодетельствованных, их свидетельства одинаково сомнительны), сколько цифровые документы, хотя и не следует поддаваться миражу чисел. Но если удовлетвориться только разрозненными примерами, можно прийти к самым противоречивым выводам; здесь также необходимо вести подсчеты на широкой основе, которую могут обеспечить только фискальные документы.

Согласно подсчетам, коснувшимся 239 дворян в Верхней Оверни, поступления от феодальных прав составляли в среднем третью часть доходов сеньории. Значительность этого процента делает сразу понятными как сопротивление овернского дворянства упразднению феодального порядка, его отказ от всяких компромиссов и в конечном счете контрреволюционные попытки, так и аграрные волнения в 1789—1792 и в 1793 гг. Изучение соотношения между феодальными правами и полным доходом сеньории проливает более яркий свет на дворянскую контрреволюцию и антифеодальный отпор крестьянских масс.

Крестьянские движения за упразднение феодального порядка (1789—1793)

Мы не ставили здесь своей целью излагать историю ликвидации феодального порядка в 1789—1793 гг. Отметим лишь, что для этого недостаточно изучить юридические документы, принятые революционными собраниями начиная с ночи 4 августа до закона 17 июля 1793 г.; на наш взгляд, более важно изучить вызванные этим законодательством крестьянские движения. Аграрные восстания весной 1789 г., с которыми связан «великий страх», хорошо известны благодаря классическому труду Жоржа Лефевра (1932). Историкам следовало бы обратить внимание на крестьянские движения, последовавшие за мнимой «ликвидацией» феодальных отношений в 1789—1790 гг. и бывшие по меньшей мере до 1792 г. двигателем Французской революции, слишком часто недооцениваемым.

По поводу мнимой «ликвидации» феодального порядка, без чего нельзя понять крестьянских движений 1789—1792 гг., мы располагаем свидетельством такого знатока феодальных отношений, как февдист Бабеф. Это ясно вытекает из еще не изданных документов, хранящихся в Институте марксизма-ленинизма в Москве.

Декреты 5—11 августа 1789 г., принятые в осуществление принципиальных решений ночи 4 августа, и декрет от 15 марта 1790 г. показали, насколько единодушие этой ночи рассчитанного энтузиазма было двусмысленным, насколько мнимыми были жертвы аристократии и насколько неравными выгоды, извлеченные из них крестьянами и буржуазией. Были разрушены политические и юридические основы феодализма, но в своей экономической реальности он сохранился. Выкуп феодальных прав представлял собой экономическую основу для компромисса с аристократией, которого уже в 1789 г. искала часть буржуазии, компромисса в высшей степени выгодного для аристократии. Бремя же его ложилось в конечном счете на плечи арендаторов и исполщиков, крестьяне, освободившиеся от феодального режима, находились отнюдь не в одинаковых экономических и социальных условиях. Дифференциация крестьянства, начавшаяся уже к концу старого порядка, теперь усилилась, и сельской общине был нанесен еще более сильный удар. Для массы мелких крестьян, арендаторов и исполщиков упразднение феодального строя — поистине фиктивная операция — было, по выражению Жоржа Лефевра, «горьким разочарованием».

Считая трудным — если не невозможным — выкуп феодальных прав (он полагал, что сумма выкупа — «значительно больше трети» стоимости земли), Бабеф в конце 1790 г. предлагал, еще в качестве февдиста, «свои услуги господам владельцам фьефов и сеньорий», он подчеркивал иллюзорный характер «этого мнимого упразднения, зависящего по сути дела от условий выкупа», и писал, что «...напрасно сеньоры испугались декрета Национального собрания относительно феодализма, который не будет для них столь пагубным, как многие полагали». Но уже тогда Бабеф поставил свои знания и свой талант на службу крестьянским общинам. Об этом свидетельствуют составленные им петиции. Например, петиция от 6 февраля 1791 г. «о фьефах, сеньориях, чиншах и шампарах» от имени «коммуны и муниципалитета Мери, Клермонского дистрикта, департамента Уазы», которая требовала, чтобы «чинш и шампар, возникшие как следствие всемогущества бывших дворян», были упразднены безвозмездно. В июле 1792 г. в «Петиции всех деревенских жите-

лей против феодального строя» (*«Pétition de tous les habitants des campragnes contre le régime féodal»*) Бабеф писал: «Народ сегодня протестует против ошибки Учредительного собрания, феодального комитета и г. Мерлена».

Кампания, проводимая Бабефом, выражала недовольство крестьян, о котором говорили многочисленные петиции, адресованные Комитету феодальных прав Учредительного собрания. Оно было тем более сильным, что в результате изменения самой природы собственности из феодальной она стала буржуазной; к услугам бывших сеньоров оказался весь арсенал новых законов и они могли требовать через суд платежей по невыкупленным феодальным правам и повинностям. Мерлен из Дуэ ясно выразил это в своем докладе от 9 февраля 1790 г.: «Ликвидируя феодальный порядок, вы собирались не уничтожить собственность, а лишь изменить ее характер. Освобожденная отныне от законов феодального строя, она по-прежнему подчиняется законам земельной собственности... Не существует больше фьефов: следовательно, все полезные права (*droits utiles*), которые распространялись на эти бывшие феодальные владения, отныне следует рассматривать лишь как чисто поземельные права и чисто реальные обязательства», следовательно, выполнения их можно требовать через суд, если в том возникнет необходимость.

Для крестьянина не было никакого законного выхода из этого тупика: не имея средств для выкупа неотмененных феодальных повинностей — цена была слишком высока, — он должен был их уплачивать. Сеньоры были неуступчивы, более того, они могли требовать уплаты недоимок за тридцать лет. От словесных протестов крестьяне переходили к насильственным действиям. Во имя полного освобождения земли крестьяне продолжали в самых разнообразных формах вплоть до 1793 г. настаивая на гражданской войну, которая еще ожидает своего историка. Она сделала невозможным какой бы то ни было компромисс с феодальной аристократией и двинула вперед буржуазную революцию.

С 1789 по 1792 г. крестьянские восстания носили на большей части Франции постоянный характер. Они являлись двигателем революции. Весной 1792 г. в связи с продовольственным кризисом и нависшей над Францией опасностью, которая воспламенила патриотические чувства (война была объявлена 20 апреля), инициатива переходит к городским народным массам. Очерк истории крестьянских восстаний был дан Ф. Саньяком в его работе *«La législation civile de la Révolution française»* (1898). Эта тема была развита Ф. Саньяком и П. Капоном в их сборнике документов *«Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial»* (1907). А. Олар посвятил этому вопросу III главу своего исследования *«La Révolution française et le régime féodal»* (1919), но он признал (стр. 117), что картина этих крестьянских восстаний против продолжавшего существовать феодального порядка не была еще систематически изучена во всей полноте; не сделано это и до сих пор.

Действительно, для крестьянского антифеодального движения 1789—1792 гг., а порой и 1793 г. были характерны два аспекта. С одной стороны, шли непрестанные волнения, повседневная, глухая, не ведающая передышки борьба, война на измор, длительная и упорная. Но в некоторых провинциях внезапно вспыхивало яркое пламя жакерии, менее эффектной, несомненно, чем всеобщее восстание в июле 1789 г., но более глубокой и серьезной, а часто и лучше организованной. Эти восстания были очень длительными, обрекая обширные районы на хроническое состояние анархии.

Что касается крестьянских волнений против сохранения феодального порядка, то только локальные или региональные исследования позволили бы воссоздать общую картину. Но мы вынуждены признать,

что за исключением работы Ж. Мийо «L'abolition des droits seigneuriaux dans le département du Doubs et région comtoise» (1941) располагаем лишь отдельными замечаниями, разбросанными в многочисленных локальных исследованиях. Между тем подсерия «Police» в фонде L департаментских архивов как правило очень богата документами по этому вопросу.

В департаменте Ду требования платежей по невыкупленным сеньориальным правам не вызвали насильственных действий, но породили упорное глухое брожение. Баналитеты исчезли в 1789 г.; крестьяне перестали выплачивать недоимки по отмененным без возмещения повинностям. В конце 1789 г. большинство общин отказалось платить повинности, которые они считали упраздненными, и поддержали крестьян, привлеченных к суду за отказ от уплаты. В 1790 г. отказ от уплаты десятины стал обычным явлением (ее взимание продолжалось до 1 января 1791 г.). В 1791 г. множество судов осудило упрямцев, оказывавших сопротивление. В 1792 г. упорное сопротивление в деревне стало всеобщим.

Брожение, волнения, взрывы насилия стали повсеместным явлением деревенской жизни многих департаментов. О том свидетельствуют документы фонда L; достаточно просто предварительного знакомства с ними. В 1790 г. в департаменте Пюи-де-Дом, в Бийоне, вспыхнул мятеж «из-за уплаты чинша», и было разграблено то, что уже удалось собрать. В Эйе, где в том же году имел место мятеж «из-за уплаты десятины», с 5 по 25 июля продолжались волнения «из-за уплаты чинша». 6 октября 1791 г. в Систерн-ла-Форе жители обнаружили, что мера их сеньора значительно больше меры соседних сеньоров, и отказались платить чинш в таком размере. 5 марта 1792 г. в Бийоне снова вспыхнули волнения, более 300 человек собралось, требуя отмены чинша; 14 марта — беспорядки в Понтмюре, где вооруженная ружьями и вилами толпа потребовала выдать расписки о недоимках по уплате чинша и рент, «угрожая в противном случае предать замок огню». В том же марте 1792 г. директория департамента сообщила о том, что бывшие сеньоры опасаются, «как бы не напали на их замки и собственность», она усилила патрули жандармерии «в 20 деревнях, жителей которых подозревают в намерении посягнуть на собственность». Волнения не прекращались в течение всей весны 1792 г., в мае они охватили Жель; речь шла о выкупе обязанности отчисления со сбора плодов монастырю монахов-минимов. Крестьяне отказались от ее выполнения и не желали выкупать это право. В декабре 1792 г. в Жерза жители разрушили баналитетные печи и захватили их инвентарь. В деревнях департамента Пюи-де-Дом борьба крестьян против феодального строя приобрела, таким образом, почти повседневный характер. Чаще всего она зависела от различных случайных обстоятельств, а не была обусловлена широким повстанческим движением.

Собственно жакерия носила эндемический характер. С 1789 по 1792 г. она господствовала на обширных зонах феодальной сверхэксплуатации, то затихая, то вновь вспыхивая ярким пламенем во время взимания сеньориальных повинностей или в периоды вздорожания зерна.

В сентябре 1789 г. в районе Ренна восстали бретонские крестьяне, грабившие и предававшие огню замки. Серьезные волнения охватили к осени 1789 г. Энну, нормандский Бокаж, Анжу, Дофине, Виварэ, Руссильон. В конце 1789 г. «кроканы» поднялись вновь: жакерия продолжала свирепствовать на обширном пространстве Керси, Руэрга, Перигора вплоть до весны 1792 г. (особенно в департаменте Ло). В Верхней Бретани в январе 1790 г. жакерия господствовала от Редона до Плоэрмеля; в мае она охватила Бурбоннэ. Во время жатвы 1790 г. крестьяне отка-

зались платить шампар и десятину по всей области Гатинэ (департаменты Луарэ и Сены-и-Марны); в 1791 г. крестьяне снова отказались платить шампар, что вновь привело к «мятежам и пожарам». Зимой 1791/92 г. жакерия снова вспыхнула в Перигоре и в Керси. Весной возобновились волнения в департаментах Гар, Ардеш (где они носили особенно ярко выраженный антифеодальный характер), Лозер, Тарн, Канталь; к осени поднялся и Арьеж, в то же время широкое восстание охватило область Бос и ее лесные окраины; начавшись весной, оно продолжалось до осени, восставшие требовали установления твердых цен. В июле 1793 г. в департаменте Жер поднялись исполщики; в июле и августе департамент Сены-и-Марны был все еще взбудоражен волнениями из-за шампара.

Конечно, сеньориальные права и десятины не всегда были единственной причиной волнений. Если обильный урожай 1790 г. разрядил напряженное положение, то с приближением весны волнения на рынках и помехи провозу зерна возросли. неотвратимая мысль о голоде ожесточала сопротивление крестьян взиманию феодальных повинностей и обязательному выкупу. В обстановке растущей угрозы земельная аристократия все больше упорствовала, подливая масла в огонь.

Социальные конфликты в деревне принимали тем более острый характер, что заседавшая в Учредительном собрании буржуазия, солидаризировавшись в этом вопросе с бывшим дворянством, стала на путь репрессий по отношению к крестьянским восстаниям. 16 сентября 1790 г. военный министр Сен-Прист, уведомляя Собрание об отказе платить десятину и шампар, сообщал в своем письме, что «для обеспечения взимания этих повинностей пришлось прибегнуть к помощи линейных войск, но их очень мало в южных провинциях. Усиление отрядов конной жандармерии и организация национальной гвардии представляются единственными средствами, на действенность которых можно рассчитывать». Учредительное собрание придерживалось этой тактики вплоть до окончания своих работ, но пресечь сопротивление крестьян ему так и не удалось.

Декреты Законодательного собрания, в частности декрет от 25 августа 1792 г. («всякая земельная собственность считается свободной от всех прав, как феодальных, так и цензуальных, если только бывший сеньор не сможет представить первоначальные грамоты»), достигли не большого результата.

Гара, министр внутренних дел, констатировал это в своем письме председателю Конвента от 21 декабря 1792 г.: «В душе деревенских жителей таится глубокая злоба, порожденная несправедливостями, от которых им пришлось страдать... И вот под предлогом возмещения причиненного им ущерба бывшие жертвы феодального порядка восстают и в свою очередь сами совершают насилия...»

Чтобы привлечь на свою сторону крестьянские массы после революции 31 мая — 2 июня 1793 г., подорвать влияние жирондистов и предотвратить все попытки федералистов, Конвент 17 июля 1793 г. полностью ликвидировал феодальный строй и приказал сжечь феодальные грамоты. Как писал Олар, «это была истинная революция в революции». Понадобилось четыре года волнений и беспорядков, борьбы и восстаний, настоящей гражданской войны, чтобы крестьяне добились, наконец, коренного упразднения феодализма, освобождения земли.

Пережитки феодального порядка

(первая половина XIX в.)

Хотя феодальный порядок был полностью и окончательно упразднен декретом Конвента от 17 июля 1793 г., однако пережитки его продолжали существовать в течение всей первой половины XIX в., а кое-где и на заре XX в. Они сохранились в основном в районах мелкого хозяйства и испольщины, на западе и юго-западе Франции, где «агротехнический переворот» с трудом прокладывал себе дорогу. Сохранение этих пережитков в экономической действительности объяснялось одновременно сложностью старых аграрных распорядков и некоторой робостью революционного антифеодального законодательства, а также той атмосферой политической, религиозной и социальной реакции, которая была характерна для Империи и Реставрации. Но, как писал Э. Лабрусс, «социальное [развитие] отставало от экономического, а умственное от социального». В коллективном сознании французского крестьянства долго, очень долго жило воспоминание о феодализме и сеньориальной эксплуатации — еще одно доказательство, если в нем вообще есть необходимость, жестокости и тяжести бремени. Ненависть эта оставалась неугасимой, как и в прежние времена, вызывая при малейшей угрозе взрывы гнева, волны которого докатились, постепенно ослабевая, до второй половины XIX в.

Экономические пережитки феодального порядка (их не следует, конечно, преувеличивать), юридической основой которых послужили хитросплетения революционного законодательства, с самого начала были связаны с обстановкой реакции, воцарившейся при Консульстве, особенно после заключения конкордата.

Тревогу крестьян вызывали поведение землевладельцев и намерения части духовенства, притязания которых при Реставрации возросли.

Эта общая обстановка была описана П. Массе (Massé) в его превосходном исследовании «*Survivances des droits féodaux dans l'Ouest*» («*Annales historiques de la Révolution française*», 1965, p. 270). Поведение землевладельцев нашло отражение в осторожных формулировках арендных договоров, а также в актах продажи, когда после заключения конкордата восторжествовала клерикальная реакция «в том случае, если бы в связи с революцией (sic!) права на десятину были бы восстановлены ..» (22 сентября 1802 г.); «если бы все ренты и все повинности, упраздненные законом, стали бы взимать в будущем...» (14 января 1803 г.)

В арендный договор, заключенный 9 июня 1797 г. и возобновленный 5 января 1805 г., была включена новая статья. «Если случится, что во время действия настоящего договора правительство восстановит или возродит либо десятину, либо другие территориальные налоги...» (имеются в виду феодальные права). Восстановленные десятина и феодальные права были бы, разумеется, возложены на плечи арендатора.

Первая реставрация усилила беспокойство крестьян, еще более обострила его ораторская неуклюжесть слишком пылких проповедников. На этих опасениях крестьян сыграл Наполеон известно его обращение к мэру Отена после возвращения с острова Эльба «Вы позволили распоряжаться собой священникам и дворянам, которые жаждали десятины и феодальных прав». Франсуа Ив Бенар в своих «*Souvenirs d'un nonage-païre*» подчеркивал притязания сельского духовенства западных областей Франции: «Большинство новых кюре соседних деревень (речь идет о коммуне Ралэ, округ Луден.— А. С.) не скрывали тогда своей уверенности в предстоящем в ближайшем будущем восстановлении церковных

владений... Что касается десятины, то уплату ее они рассматривали как вопрос совести для своих прихожан». Понятен поэтому энтузиазм, охвативший весь кантон при возвращении Наполеона; он был вызван страхом перед восстановлением десятины и аннулированием продажи национальных имуществ, на что священники и дворяне не скрывали своих упований. Вторая реставрация вновь оживила эти опасения, они представлялись обоснованными, учитывая претензии духовенства и уже обсуждавшиеся планы восстановления десятины.

Притязания духовенства были разоблачены Грегуаром в брошюре, появившейся в 1822 г., «Des catéchismes qui recommandent et prescrivent le paiement de la dîme, l'obéissance et le respect aux seigneurs des paroisses, et de leur réimpression sous l'empire de la Charte». Грегуар обличал прелатов, которые «призывали в своих катехизисах к восстановлению феодального порядка, внушая повиновение сеньорам приходов, словно бы они еще существовали». Они «хотят именно неба восстановить феодальный порядок, который повлечет за собой, пожалуй, возрождение чинша, пошлины с перехода имущества, повинностей, грамот, права мертвой руки, баналитетов, барщины, права сеньора на потерянные в его владениях вещи, шампара и т. д...» Достаточно беглого знакомства с многочисленными катехизисами, опубликованными в первые годы Реставрации, чтобы убедиться в справедливости утверждений Грегуара. Катехизис Суассона, одобренный архиепископом Арля в качестве единственного учебного пособия в его епархии и опубликованный в 1820 г., так разъяснял седьмую заповедь: «Исправно платящий десятину не станет распутничать» — и содержал среди других заповедей господних заповедь о повиновении сеньору. Следовало бы уточнить путем более широкого исследования, к какому точно времени относится исчезновение из катехизисов подобных предписаний.

Планы восстановления десятины выражали эти откровенно провозглашаемые намерения духовенства. Они шли вразрез со статьей седьмой Хартии 1814 г., которая ясно возлагала на казначейство выплату жалованья служителям христианского культа. Восстановление десятины, казалось, всерьез намечалось некоторыми церковными кругами, и эта проблема, конечно, привлекла внимание администрации ведомства культов, встревоженного различного рода письмами и докладными записками. Следовало бы в этой связи предпринять систематическое изучение документов подсерии F¹⁹ (Cultes) Национального архива, как предлагал это сделать Ж. Видаленк в статье «Le problème du rétablissement de la dîme sous la Restauration»². Что касается мемуара священника из Камбрэ, то администрация возражала в своем докладе (дело было в 1825 г.), что восстановление невозможно «ибо упразднения десятины в свое время требовали во Франции повсеместно... и попытка восстановить ее... вызвала бы сопротивление и, пожалуй, снова повергла бы всю Францию в пучину беспорядков».

Как ни тщетны были попытки восстановления десятины во времена Реставрации, в экономической практике она продолжала фактически существовать; это же можно сказать, правда в меньшей мере, о феодальных правах. Речь идет отнюдь не о незаконных действиях или попытках реакции (хотя «Gazette des tribunaux» от 25 сентября 1829 г. и сообщала о процессе, возбужденном бывшим сеньором в целях восстановления своего права на особую скамью в церкви): эти пережитки были закреплены законом.

Не вдаваясь в подробности революционного законодательства, отметим, что эти пережитки объяснялись желанием землевладельцев обернуть упразднение десятины и феодальных прав лишь на пользу себе, ибо они

² «Annales historiques de la Révolution française», 1961, p. 513.

требовали их уплаты со своих исполщиков. Землевладельцы притязали на получение вместо духовенства десятины (прекратившей свое существование 1 января 1791 г.), увеличивая соответственно арендную плату. Что касается исполщиков, то они рассматривали себя как компаньонов хозяев в равной доле, поэтому, по их мнению, и налоги, и повинности следовало платить поровну (взимание десятины сразу после сбора урожая до его раздела соответствовало этому правилу).

В 1791 г. подобные требования землевладельцев вызвали восстание исполщиков в департаменте Жер, то же произошло в Ландах. Что касается феодальных прав, то при старом порядке было принято заставлять платить связанные с ними повинности исполщиков; и в этом случае землевладельцы стремились одни воспользоваться их отменой и увеличить соответственно арендную плату. В августе 1793 г., находясь в миссии в департаменте Шаранты, член Конвента Ру-Фазийак писал: «Исполщики жалуются, и не без оснований, что из всех французских граждан только им революция ничего не дала. Хотя законы отменили и десятину, и ренты, они продолжают платить их землевладельцу».

Революционное законодательство охватило притязания землевладельцев. Согласно декрету от 11 марта 1791 г. десятина должна была отныне уплачиваться землевладельцу (при условии, что арендные договоры были заключены до 20 апреля 1790 г.). Декрет от 25 августа 1792 г. распространил на феодальные права положения, касавшиеся десятины: отныне терраж и дворянские ренты, уплачиваемые прежде сеньору, должны были поступать собственнику земли (статья 14). Несмотря на различные перипетии, это законодательство, сохранявшее феодальное обложение, было подтверждено в эпоху Революционного правительства. Декрет от 26 прериаля II года (14 июня 1794 г.) разрешал землевладельцам «требовать с арендагоров уплаты рент и десятины, которыми была обложена земля до их упразднения». Закон от 27 брюмера V года (17 ноября 1796 г.) еще раз подтвердил это законодательство, санкционировавшее сохранение в замаскированной форме феодальных экономических отношений к выгоде буржуа-землевладельцев.

Что касается феодальных прав (не останавливаясь на вопросе о феодальных рентах, утративших еще до революции юридическую связь с сеньорией, объекте бесконечных процессов, составлявших одну из примечательных особенностей деревенской жизни при Империи и Реставрации), то их пережитки были недолговечны. Феодальная рента стала составной частью капиталистической земельной ренты, и следы ее затерялись: ее нельзя уже было выделить и исчислить. Экономическое развитие привело постепенно к исчезновению этого пережитка. При Империи арендная плата возросла, и о происхождении и смысле феодальных прав позабыли.

Что касается десятины, отныне легализованной «нсо» или буржуазной десятины, то она оказалась очень живучей, во всяком случае на Западе и Юго-Западе, выступая в виде компенсации за поземельный налог, уплату которого землевладелец брал на себя.

П. Массе отмечает подобный случай сохранения пережитков десятины в районе Бонией-Матур, в департаменте Вьенны³. Десятина продолжала существовать при Империи, Реставрации и даже при Июльской монархии; размеры ее были различны, но не превышали в основном десятой части. Но отныне она была не чем иным, как компенсацией за поземельный налог, который прежде платил арендатор, а затем, во времена Консульства стали взыскивать с землевладельца. Однако постепенно, по мере того как снижалось бремя платежей, она исчезает из арендных договоров: в последний раз в 1834 г. в Пренсе (департамент Вьенны) арендный договор на ферму в Бове предусматривал десятину в размере 1/11

³ «Annales historiques de la Révolution française», 1958, N 2, p. 1.

урожаю зерна. Перемежевание метерий и новая техника обработки земли привели к исчезновению десятины. То, что не удалось революционному законодательству, было в конечном счете осуществлено в результате изменения системы производства.

На Юго-Западе десятина уцелела, по-видимому, еще надолго. Упорное сохранение десятины вызвало волнения в 1791—1792 гг. в департаментах Жер и Ланды. В XIX в. взимание десятины было как будто правом в Верхнем Арманьяке, частым явлением в восточных районах Нижнего Арманьяка (в размере 1/14) и редким на Западе; десятину с вина взимали повсеместно. П. Ферраль в своих «*Essais d'histoire économique et sociale de la Gascogne*» (1957) полагает, что лишь с 1850 г. десятина начала постепенно исчезать; но некоторые договоры фиксировали, по крайней мере формально, право землевладельца на получение десятины вплоть до начала XX в. Еще в 1909 г. в Лектуре договор на аренду исполу содержал обязательство уплачивать десятину.

«Юридическая тератология», как пишет П. Массе? Вряд ли. Пережитки феодальных прав и десятины в экономике областей мелкого хозяйства представляются тесно связанными со всей системой землепользования старого порядка как в экономическом, так и в социальном и психологическом плане. Они объясняются тем священным характером, который приписывали договору с момента составления акта, подлинного социального табу (стоит вспомнить о значении, которое придавалось первоначальным грамотам в антифеодальном законодательстве). Только «агротехнический переворот» нанес в конечном счете последний удар десятине; хотя это выражение дает очень неточное представление о медленном ходе этого процесса и неравномерности его темпов в различных районах.

Нам представляется, что сохранение воспоминаний о феодальной эксплуатации в коллективном сознании французских крестьянских масс XIX в. имело для крестьянского движения гораздо большее значение, чем экономические пережитки феодального порядка. «Почему же феодальные права, — пишет Токвиль в своем труде «*L'Ancien Régime et la Révolution*» (1856), — вызвали в сердце народа Франции столь сильную ненависть, что она пережила самый объект свой и кажется прямо-таки неугасимой?» Даже еще в середине XIX в. выступления крестьян объяснялись этой ненавистью. Аграрные преступления, разграбление замков, порывы страха, паники и, как следствие, скопление вооруженных толп крестьян — многие из этих эпизодов представляются связанными с ценными воспоминаниями о ненавистных временах феодального порядка и сеньориальной эксплуатации. Об этом свидетельствуют, в частности, судебные документы наших архивов, а также в отраженной, но от этого не менее ценной форме крестьянский роман XIX в. (за невозможностью устного опроса, который 40—50 лет назад дал бы еще, вне всякого сомнения, ценные свидетельства).

Обратившись к судебным архивам, можно было бы начать с анализа судебной статистики. В 1827 г. был впервые опубликован «*Compte général de l'administration de la justice criminelle en France*» для 1825 г. Эта ежегодная публикация представляет собой свод статистических данных о правонарушениях и преступлениях против личности и собственности. Более богатый и обширный документальный материал министерства юстиции находится в Национальном архиве, в частности в общей переписке уголовного отделения (подсерия BB 18) и в переписке и донесениях генеральных прокуроров (подсерия BB 30).

В XIX в. крестьянские движения с антифеодальной направленностью чаще всего, естественно, были составной частью более сложных явлений, антифеодальная реакция была лишь одним из факторов. Однако она ясно проявилась в грабежах и поджогах замков в июле — августе 1830 г.,

в частности в департаментах Коррез и Дордонь, традиционных районах жакерии (AN BB 18 d. 3950, d. 3961). Среди различных мотивов аграрных волнений 1848 г. мы вновь обнаруживаем антифеодальный рефлекс. В числе причин, вызвавших страх и панику в апреле 1848 г. и в еще большей мере после июньских дней в различных районах Запада (в Верхней Нормандии, Дё-Севр, Шаранте, Коррезе), рядом со страхом перед красными и «разделителями» часто фигурировали «заговоры дворян и священников». Порожденный случайным обстоятельством, этот страх вскоре кристаллизовался; так, в Берне (департамент Нижней Шаранты) 19 июля 1848 г. «нынешние волнения запросто приписывали страху перед дворянами и священниками». Говоря о дворянах и священниках, имели в виду феодальные права и десятину. В Турноне (департамент Ло и Гаронна) 27 апреля 1848 г. в день выборов вспыхнули волнения, ибо распространился слух, «будто вскоре будут восстановлены десятина и ренты». Сообщая о результатах выборов в мае 1849 г., генеральный прокурор Бордо объяснял успехи «социалистов» в Дордони «страхом перед восстановлением бывшими дворянами десятины и барщины» (AN, BB 18 1462, 1463). Антифеодальный рефлекс приводит в конечном счете к росту политического сознания. Было бы интересно сопоставить для этих департаментов, расположенных на западных и юго-западных окраинах Центрального массива, карту результатов выборов во времена Второй республики и карту жакерии в эпоху революции.

Когда же перестает сказываться в крестьянских движениях антифеодальный рефлекс? Еще во времена Второй империи, с апреля по сентябрь 1868 г., волна паники захлестнула департаменты Шаранты, Нижней Шаранты и Дордони и ей, как всегда, сопутствовали волнения, «поскольку в деревнях распространился слух о восстановлении в ближайшем будущем десятины и феодальных прав». Конечно, острота реакции крестьян была усилена голодом, последовавшим за кризисом 1867 г. Тем не менее знаменательно, что коллективное сознание все еще тревожил призрак феодальных прав. Инцидент, породивший панику, по-видимому, произошёл в Шевансо (департамент Нижней Шаранты), где 13 апреля 1868 г. толпа в несколько сот человек попыталась разорить церковь, которой маркиз Летранж только что принес в дар новые витражи со своими гербами — явный предвестник возвращения привилегий дворянства. «Распространилось мнение, — писал генеральный прокурор Бордо, — что каждой коммуне надлежит заявить протест против восстановления десятины и возвращения старого порядка» (AN, BB 18 1767). Следовало бы уточнить путем изучения документов, охватывающих более широкий период, когда же изгладилось из сознания крестьян воспоминание об этих ненавистных временах. «Память людей, — как выразился Ф. Бродель, — подобна долгосрочному тюремному заключению».

Крестьянский роман в свою очередь также свидетельствует о длительном сохранении пережитков феодального порядка в коллективном сознании крестьянских масс. Эти вопросы требуют специального исследования. Мы же ограничимся лишь вехой, относящейся к позднему времени, но весьма значительной, потому что речь идет не о бесстрастном воспроизведении исторических событий, а о глубоко волнующем, животрепещущем произведении, верном сленке со среды, в которой жил автор. В 1890 г. появился замечательный роман «Жаку-Крокан» Эжена Леруа (1836—1907). В центре действия, разворачивающегося в Руффиньяке, в Перигоре, краю испольщины и жакерии, замок Эрм, символ того, что еще и при Реставрации было «феодальным угнетением». Но если устами адвоката Жаку автор разоблачает с таким пылом и силой «гнусную тиранию, которая переносит нас в самые мрачные времена феодализма», то ясно, что воспоминания о ней были еще весьма живы среди крестьян Перигора.

Наш обзор крестьянских движений является только самым предварительным наброском. Следовало бы дать более широкое полотно; необходимо также подтвердить изложенные здесь гипотезы.

Тем не менее один вопрос как будто ясен. Если в XIX в. феодальный порядок, несмотря на некоторые экономические пережитки, был в сознании крестьян не более чем мифом («миф — это то, чего не существует в действительности», — согласно Литтре), то в конце старого порядка и даже в 1793 г. он был отнюдь не мифом, как это пытаются утверждать. Об этом свидетельствуют упорная борьба крестьян за освобождение от феодального порядка и их выступления еще в 1793 г. Феодальный порядок в основном исчез, ненависть же осталась жива, и прошло более века, прежде чем в коллективной памяти крестьян стерлось воспоминание об этих ненавистных временах. Итак, миф этот обнаруживал упорную живучесть, о чем свидетельствуют движения страха и гнева, которыми, как веками, отмечен XIX век. Жестокая социальная действительность превратилась в идею-силу, чтобы в конце концов исчезнуть на заре XX в. вместе со всей системой традиционного землепользования в результате общего изменения крестьянского мира.

Тематически связанные материалы

А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция.

Крестьянское движение в 1789-1794 гг.

Ж.Лефевр. Аграрный вопрос в эпоху Террора (1793-1794)

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории

А.Собуль. Французская сельская община (XVIII-XIX века)

А.Адо. Крестьянские восстания

в начале Французской революции в 1789 г.

А.Коробочко. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.

В.Малов. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII-XIX веках (Опыт корреляционного анализа)

А.Адо, З.Чеканцева. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII века)

А.Адо. К истории борьбы за проведение в жизнь аграрного законодательства якобинцев

А.Адо. Муниципальные выборы, первичные собрания и социальная борьба во французской деревне (1790 г.).

А.Собуль. Крестьянские движения и феодализм (конец старого порядка — середина XIX в.)

К.Женден. Земельная рента во Франции от конца Старого порядка до Первой империи

Ф.Потемкин. Агрономическая практика и политические позиции пропагандистов «нового земледелия» во Франции во второй половине XVIII — начале XIX в.

А.Адо. Научное наследие Н.М.Лукина и некоторые проблемы истории крестьянства во время Великой французской революции

В.Лавровский. Экспроприация английского крестьянства в XVIII в.

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты

Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (фрагменты из «Социалистической истории

Французской революции», том 3)

Подборки документов

Аграрное законодательство Учредительного Собрания

Аграрное законодательство Законодательного Собрания

Аграрное законодательство монтаньяров